Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
Институт истории и права

Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая и сопредельных территорий

Материалы международной научно-практической конференции

30 сентября 2004 г.
г. Абакан

Национальная
библиотека
им. Н.Г. Доможакова
Республики Хакасия

Абакан
2005

5. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. / Антология Советской Археологии (1917-1933). Т.1. – М. 1995, с.86.; Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Южной Сибири. – СПб: Петербургское востоковедение, 1999. – С. 228.
6. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири/ МИА. № 9.-М., 1949, с.220; Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Южной Сибири. – СПб: Петербургское востоковедение, 1999. – С. 244, 261, 267.
7. Киселев С.В. Указ. соч, с.228.
8. Там же. – С.262-264. – С. 230.
9. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Южной Сибири. – СПб: Петербургское востоковедение, 1999, с. 239; Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинский котловины. – М., 1960. – С. 11.
10. Кызласов Л.Р. Указ. соч. – С. 151-156.
11. Кызласов Л.Р., Хакасская археологическая экспедиция 1958 г. / Уч. зап. Хак.НИИЯЛИ, Вып.VIII, 1960. – С. 165, 166; Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинский котловины. – М., 1960. – С. 11; Кызласов Л.Р. Хакасская археологическая экспедиция 1959 г.(Предварительное сообщение) / Уч. зап. Хак.НИИЯЛИ. Вып.IX, 1963. – С. 159.
12. Вадецкая Э.Б. Раскопки на месте дер. Новая Черная. /А.О. 1967г. – М.,1968. – С. 181, 182; Вадецкая Э.Б. Работа Таштыкского отряда./ А.О. 1968 г. – М., 1969. – С. 185; Грязнов М.П, Комарова М.Н.. Раскопки у горы Тепсей на Енисее./А.О. 1968г. – М., 1969. – С.177, 178; Вадецкая Э.Б., Максименков Г.А., Чижов В.Е. Начало работ Тубинской экспедиции./ А.О. 1971 г. – М., 1972. – С. 276, 277.
13. Грязнов М.П. Миниатюры таштыкской культуры./ АСГЭ, №13, 1971, с. 94; Грязнов М.П. Комплекс таштыкских погребальных памятников у горы Тепсей./ А.О. 1978г. – М., 1971. – С. 202.
14. Э.Б. Вадецкая. Поминальные памятники таштыкских могильников.//КСИА. Вып.№ 128. – М., 1971. – С.33-36.
15. Вадецкая Э.Б. Черты погребальной обрядности таштыкских племен по материалам грунтовых могильников на Енисее./ Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, Л.О.,1975. – С. 183.
16. Грязнов М.П. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, С.О., 1979. – С. 128-142.
17. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Южной Сибири. – СПб: Петербургское востоковедение. 1999. – С. 204, 269; Худяков Ю.С. Таштыкский поминальник у горы Тепсей./ Хакасия: история и современность. Учен. зап. Хак.НИИЯЛИ, Вып.XXI. – Новосибирск: Наука, 2000. – С. 60-73;
18. Худяков Ю.С. Указ. соч.
19. Кызласов И.Л. Поминальные памятники таштыкской эпохи.// СА. 1975, №2, с.31-41.
20. Кызласов И.Л. Там же. – С.42-47.
21. Вадецкая Э.Б. Таштыкский могильник « Соколовский разъезд».// Южная Сибирь в древности. – СПб, 1995. – С. 167.
22. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Южной Сибири. – СПб: Петербургское востоковедение. 1999. – С. 210-212.
23. Тетерин Ю.В. Раскопки в Шушенском районе Красноярского края в 1990-1997гг. /Архив Лаборатории Гуманитарных Исследований НГУ.
24. Митько О.А. Отчет о работе Красноярского археологического отряда в 1999-2003гг.; Тетерин Ю.В. Археологические исследования в Новоселовском районе красноярского края в 1988-2000 гг. / /Архив Лаборатории гуманитарных исследований НГУ.
25. Поселянин А.И Отчет о раскопках таштыкского могильника Белый Яр –III в Алтайском районе Республики Хакасия в 1990-1993 гг. / Архив Археологической лаборатории НИЧ ХГУ.
26. Поселянин А.И Отчет о раскопках таштыкского могильника Быстрая –II в Минусинском районе Красноярского края в 1998, 2000 гг. / Архив Археологической лаборатории НИЧ ХГУ.
27. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Южной Сибири. – СПб: Петербургское востоковедение. 1999. – С. 16.
28. Там же. С. 116-118.
29. Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов. – Абакан, 1996. – С. 102-131; Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. – М.: Наука,1969. – С. 168-202.
30. Гусаков М.Г. К истокам древнеевропейской календарной системы лесной полосы дописьменного периода.(Опыт реконструкции)/ Верхнедонский археологический сборник. Вып.2 – Липецк: Успех-Инфо,2001. – С. 109-121; Он же, Археология-Археоастрономия- Календарь./Астрономия древних обществ. – М.: Наука, 2002. – С.180-186.
31. Гусаков М.Г. Ориентация погребений в свете археоастрономии (от энеолита до раннего средневековья) / Древняя астрономия: небо и человек. Круглый стол «Проблемы палеоастрономии(археоастрономии)», (19–24 ноября 1997г). – М., 1998. – С. 68-77.

© Поселянин А.И., 2005

В.Я. БУТАНАЕВ,
дин. проф. кафедры АЭИК Хакасского государственного университета им. Н.Ф.Катанова
Ч.В. МОНГУШ,
аспирант

«УЧА» – ОБЫЧАЙ ПРЕСТИЖНОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДОБЫЧИ У САЯНСКИХ ТЮРКОВ

Среди саянских тюрков существовал архаический обычай престижного распределения добычи под названием «уча» (по-тувински – ужа) – букв. крестец, курдюк или задняя часть туши. Впервые о нем сообщил в своем этнографическом обзоре долины Южного Енисея Е.Яковлев. Позднее этот обычай упоминали Ф.Я. Кон, Г. Грумм-Гржимайло, Л. Потапов. В. Дулов и С.Вайнштейн. Однако, если в отношении тувинцев обычай «уча» достаточно представлен в работах указанных исследователей, то в отношении хакасов до сих пор информация отсутствовала.

Сущность обычая «уча» заключалась в обязательном распределении части добычи своим соплеменникам. При обращении к охотнику: «уча мини» – т.е. крестец мой, последний обязан был поделиться трофеем. Указанный возглас предусматривал выделение почетной части добытого мяса любому встречному. «Тувинец, встретив кого-либо едущим с добычей, при слове «ужа» брал заднюю ногу с частью позвоночника и шкуру, второй и третий встречный отрезали себе также лучшие куски мяса, так что убившему зачастую не остается ничего», – писал Е.Яковлев[1]. Аналогичный обычай под названием «уча бер» (букв. дай крестец) или «кӧчік пир» (букв. дай заднюю часть) был зарегистрирован у хакасов и алтайцев[2]. В хакасских сказках и преданиях при восхвалении положительных поступков фольклорных героев, таких как «Похты Кирис», «Атыгчы Хыят» и других, говорится что, возвращаясь с охоты, они наделяли мясом весь встреченный народ селения, так что при входе домой на руках у них оставались шкура, голова да конечности туши.[3] Право на «уча» имел также руководитель общественных молений. Например, при любом камлании шаман у хакасов получал в качестве вознаграждения шкуру жертвенного животного и заднюю часть туши. Это древнее подношение шаману носило общее название «теер-кӧчік» – т.е. шкура и крестец.

Обычай «уча» в какой-то мере соответствует русскому: «чур мне», «чур пополам!» (возглас, которым требуют соблюсти уговор поделиться). Но в то время, как возглас «чур» у русских в основном употреблялся в качестве предохранительного средства: «чур найдено – не делено», после чего «зачуравший» имеет право владеть нераздельно найденным, то у тувинцев и (в фольклорные времена) у хакасов «уча» применялось как требование поделиться тем, что приобретено не посредством труда, а досталось по случаю.[4]

По данным С. Вайнштейна, у тувинцев-тоджинцев, живущих в дебрях Восточных Саян, применение обычая «ужа» сводилось к следующему:

«1. Если охотник убил копытное животное, но не успел погрузить мясо на оленя или лошадь и в это время подошел человек (пусть даже совершенно незнакомый), он отдавал подошедшему заднюю часть туши (ужа), шкуру (кеш) и одну ногу (бут). Если охотник был пешим, то обычай действовал до того момента, пока мясо не взвалено на плечи.

2. Если кто-либо подошел к охотнику, целившемуся в белку, и сказал *ужа* до выстрела, в момент выстрела или после выстрела, но до того, как охотник привязал белку к поясу, то подошедший забирал белку целиком. Если же человек крикнул *ужа* издали и, пока он подходил, охотник повесил белку на пояс, то крикнувший ужа ничего не получал. Охотник говорил ему: *«Ужан эртө бөрип-дур»* (твое *ужа* прошло).

3. Если охотник убивал соболя, то подошедший получал лишь половину его. В этом случае действие *ужа* сохранялось только до того момента, пока охотник не положил соболя за пазуху.

4. Если охотник убил росомаху, то по обычаю *ужа* он отдавал хвост.

5. Если охотник убил медведя, то отдавал желчь.

6. Если охотник вернулся в стойбище и привез добычу в чум, где в это время находился чужой человек, тот, крикнув *ужа*, получал часть добычи. Если человек зашел в чум после охотника, то обычай *ужа* не действовал.

7. Охотник убил крупное животное, оставил тушу в тайге, сам возвратился в аал. В момент его прибытия в чуме находился человек. Если гость отправлялся вместе с охотником за тушей и помогал привезти ее в стойбище, то получал свою долю по обычаю *ужа*.

8. Охотник, убив косулю, освежевал ее и, прежде чем погрузить на лошадь, расстелил шкуру на земле мездрой вверх, чтобы она подсохла. В это время появляется человек, произносит *ужа*, берет щепотку земли и бросает на шкуру, после чего рывком поворачивает шкуру отвесно. Если большая часть земли остается на мездре, значит охотник убил косулю совсем недавно, и обычай *ужа* вступает в силу.

9. Два охотника, не входящие в артель, одновременно стреляли в зверя, но у одного из них произошла осечка. Тот, у кого это произошло, все же получал свою долю убитого животного.

10. В одно животное стреляло несколько человек. Попала только пуля одного из них. Определяли, чья пуля сразила животное. Охотник, убивший животное, получал его целиком, за исключением той части, которая по обычаю *ужа* переходила в пользование всех остальных охотников, которые делили ее между собой поровну».[5]

Е. Яковлев сумел достаточно обоснованно определить причину возникновения древнего обычая «уча». Так как таежные звери считались скотом горных духов, то все земное находилось под особым покровительством духа неба и земли – «оран тэлэгей».

Поскольку горные духи допускали того или иного человека к убиению скота из своего стада, постольку они покровительствуют этому человеку. «Тебе оран тэлзгей дает, ты почему не даешь; сегодня тебе дал, завтра мне даст, тогда я поделюсь», – говорили удачливому охотнику[6].

Духи-хозяева гор – «тағ ээзі» (даг ээзи) пользовались большим почитанием среди тувинцев и хакасов. Горные духи имели, якобы, родство (пір тамырлығ – букв. единого корня) с саянскими тюрками. Как гласят мифы Хонгорая, далекий пращур хакасов женился на дочери хана горных хозяев, от брака которых и происходят жители Верхнего Енисея. В связи с этим хакасы считают себя рожденными от гор (тағдаң төреен), горным народом (тағлығ чон), с жизненной силой, полученной от гор (тағ омайлығ) или горами сотворенными (тағдиинаң – сугдиинаң чаяннығ). При обращении к горным духам последних торжественно называют «ағалар» – т.е. предки.

Горные хозяева оказывают непосредственное влияние на многие сферы жизни людей. Их действия носят положительный характер при почтительном отношении к ним, что выражается удачей и счастьем человека – «кежик» (по-хакасски «кизік»), и отрицательное воздействие – «харо» (букв. ответ, возвращение) при скупости и других недопустимых отклонениях от требуемых норм. Под влиянием горных хозяев, по убеждению тувинцев и хакасов, и берет свое начало обычай «уча». Название обычая позволяет думать, что обычай этот сложился применительно к копытным животным и лишь позднее распространился и на пушных зверей.

Подтверждение такому выводу встречаем, например, в распространенной среди хакасов легенде о старухе Кочик-иней (букв. старуха – курдюк), которая жила в месте «Кочик -хая» недалеко от аала Сеектиг по Черному Июсу. Как только охотники в тайге застрелят зверя, то туда заявлялась Кочик-иней, которая со словами: «учаны пир!» – дай мне уча! (второй вариант – «кӧчік»), просила охотников поделиться с ней задней частью убитого зверя. За наделение задней частью звериной туши она их благодарила: «Атхан уғың хатығ ползын! Көрген харағың көстіг ползын!» – пусть твоя выпущенная стрела будет поражающей! – пусть твои глаза будут зоркими! Если же какой-либо охотник ее не наделял крестцом «уча» (кӧчік), то он расставался со своей удачей. Она проклинала людей, не поделившихся с ней задней частью диких коз. Хакасы считали, что Кочик-иней принадлежала к горным духам[7]. В силу сказанного можно добавить, что мясо «уча», которым делится тувинский охотник, носит название «тангды кежии», т.е. горное счастье[8].

В XX веке, в связи с распространением товарно-денежных отношений, в Туве обычай «уча» перестал распространяться на сорта пушнины, идущей в подати, кедровый орех. продукты земледелия и все привезенное домой и поступившее в собственность юрты. В тайге охотники стали делиться только с теми, кто был свидетелем удачного выстрела[9]. В Хакасии обычай «уча» полностью ушел в область преданий и сохранился только в фольклорных произведениях, да в названиях свадебных подарков.

Добыча промысла скотокрадства, широко распространенного в XIX в. среди саянских тюрков, носила название «май» (букв. сало). Например, «майлирға» – добывать воровским путем скот; «май чирге» – есть свежее мясо, добытое воровством; «майға тӱзерге» – попадать на пиршество, где забили ворованный скот; «май идерге» – забивать на мясо украденный скот[10]. Любопытный факт отмечает В.И.Дулов на западе Тувы. При скотокрадстве встретивший вора и на основании обычая «уча» получивший часть краденного, подлежал при обнаружении преступления большему наказанию, чем сам вор. Материально он отвечал перед потерпевшим наравне с вором. Необходимо добавить, что в прошлом в Туве и Хонгорае встречались аалы, специализировавшиеся на конокрадстве и в них бытовала круговая порука, ибо все жители получали «уча».

Однако в том случае, когда получивший «уча» явится с повинной и донесет на вора, сознавшись одновременно в том, что «уджарил» при встрече с ним, то он освобождался не только от наказания, но и необходимости возврата потерпевшему своей части похищенного.[11]

Курдюк «уча» считается у саянских тюрков самым почетным блюдом и преподносится на застолье в любое празднество, кроме похорон. На тувинскую свадьбу жених обязан был привезти от 10 до 20 «уча». На застолье самому почетному гостю подносится задняя часть барана с хвостовой частью (уча) и поступает в его полное распоряжение. Последний, если хочет, то тут же делит мясо между присутствующими или, если хочет, то увозит к себе домой[12].

У хакасов бытовали праздничные застолья под названием «уча». Возникновение такого названия связано с задней частью туши скота (уча), которую, согласно древнему обычаю, преподносили пирующим людям в качестве дара. В связи с этим в хакасском языке понятие «образовать застолье» обозначается словами: «уча саларга» – букв. положить «уча». На свадьбах саянских тюрков обязательно отваривали крестец и грудину крупного скота. Вареное мясо – «уча иді» вместе с курдюком раскладывали в центре образованного круга на широком подносе. Хозяева обязаны были разделить сало курдюка между всеми участниками, образующими круг сидящих гостей. С северной стороны от дверей юрты находилось женское застолье – «ипчілер учазы» (алтынзархы уча), с южной – мужское «ирлер учазы» (ўстўнзархы уча). В круг «уча» садились только взрослые и пожилые, которые наделяли мясом стоявших рядом подростков и детей. Молодежь в круг «уча» не допускалась. В первый день свадьбы делали вечернее «уча» (хараагы уча), а на следующий день – утреннее «уча» (иртенгі уча).

Подарки, подносимые родителям девушки со стороны жениха во время ритуалов при «браке чести», т.е. при сватовстве малолетних детей, по-хакасски опять же носят названия «уча». По всей видимости, первоначально в качестве подарков преподносили заднюю часть туши животных (уча). Наряду со словом «уча» в XIX в. хакасы употребляли в качестве его синонима слово «арага», т.е. алкогольный напиток. Например, подарки во время первого приезда сватов называются «кічіг уча» или «кічіг араға», т.е. маленькая уча (или маленькое вино); завершающее угощение носило название «улуғ уча» или «улуғ араға», т.е. большая уча (или большое вино); ежегодные весенние и осенние подарки продуктами именовались «часхы уча» или «часхы араға», «кўскў уча» или «кўскў араға», т.е. весенняя уча (весеннее вино) и осенняя уча (осеннее вино). По всей видимости, такие изменения произошли в позднее средневековье, когда сакральное значение почетной части туши скота стало уступать бытовой оценке спиртных напитков.

В русских документах подарки при «браке чести» назывались словом «арча». Подарок невесте «арча» состоял из вина, масла и мяса.[13] По всей видимости, это слово восходит к хакасскому термину «арчы» (артчы, арчы хап) – т.е. поклажа, переметная сума (куда складывали привезенные продукты). В хакасском языке имеется подобный аналог, когда термином «тулуп» (букв. мешок из цельной шкуры животного) обозначают привезенный гостинец. Подарки хакасы привозили в кожаных мешках – «тулуп», а в данном случае – в переметных сумах.

Дар, подносимый в виде части отрезанного мяса или сала от «уча», у саянских тюрков называется «сартык» (по-хакасски «сартых»). Подарок-угощение «сартык», в силу обычая, преподносится также при убое барана соседям по аалу. Наделение подобным гостинцем считается за большое счастье (кежик). В сартык идет не только мясо, но и молочные продукты, а также вино. В общем, часть съестных продуктов (мяса, араки и др.), оставляемая для окружающих людей, обозначалась словом «сартык». Если взрослый во время еды угощал кусочком мяса ребенка, и последний делился им с другими детьми, то это тоже называлось сартык[14]. Согласно обычному праву, «сартык» обязательно преподносится старшему по возрасту (сартыгын улуг кізее пирчелер). Уважительное преподношение со стороны младших старшим братьям носит название «туңма сартыгы», т.е. сартык младшего братишки. Во время тувинских празднеств приехавшим почетным гостям хозяева застолья обязательно давали отведать часть курдюка, называемую «ужа сартыы», т.е. сартык крестца. Считалось, что человек, съевший «ужа сартыы», будет жизнерадостным и бодрым[15]. Хакасы во время поминок, когда кормят и поят душу покойного, сжигая пищу на огне, обязательно оставляют часть еды, а на дне бокала вино, которые называются «сартык». Оставленным продуктом угощают участников поминок со словами: «Уреен кізінін сартыгын алі» – Прими сартык усопшего человека. Остаток «сартык» считался за счастье, которое дарится от лица умершего.

По мнению знатного этнографа Саяно-Алтая Л.П. Потапова, «сартык» представлял остаток обычая коллективного распределения мяса убойных животных и молочных продуктов первоначально среди родственников, а в дальнейшем и односельчан.

Архаический обычай «уча» и распределение доли под названием «сартык», вероятно, бытовало и у кыргызов, и даже казахов. Основанием для такого предположения служат свидетельства их языка. В кыргызском и казахском языках словом «саркыт» обозначаются остатки пищи и питья со стола знатных и почетных гостей, которыми угощают молодых или соседей, а также сам гостинец от угощений на пиру [16].

Обычай «уча» возник в среде охотников и берет начало от таежных промыслов, ибо в тайге «вступал в силу уравнительный закон, восходящий к нормам коллективного производства и потребления родового строя»[17]. У саянских тюрков существовал равный дележ добычи независимо от вклада любого члена артели. В противном случае горные хозяева могли рассердиться и не дать удачи в следующий раз. Мы не совсем согласны с мнением Вайнштейна С.И., который считает, что условия действия обычая «уча» возникли в период разложения родового строя и возникновения соседской общины, когда стало нарушаться исключительное право членов рода на родовые территории[18]. Нам представляется более достоверным предположение, что он возник при первобытно-родовых отношениях. В зависимости от дальнейших социальных условий обычай видоизменялся, а с течением времени где-то им стали пользоваться в определенных случаях все, независимо от родовой принадлежности, а где-то (как в Хакасии) он полностью исчез.

Согласно исследованиям российских ученых, обычай типа «уча» можно отнести к так называемой престижной экономике первобытно-родового строя, которая в зачаточном состоянии возникла еще у низших охотников, но ее расцвет пришелся на неолитический период[19]. Традиционные нормы поведения требовали неукоснительного дележа излишних продуктов, который принимал форму дара, брачного выкупа или угощения, приготовленного для устройства праздника. Обычай «уча» гарантировал людям поддержку в случае нужды, ибо он обусловливал развитие взаимопомощи, совершенствовал системы брачных связей и установления социальных градаций.

Примечания

1. Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. – Минусинск, 1900. – С. 66.
2. Потапов Л.П. Черты первобытного строя в охоте у северных алтайцев.// Сборник МАЭ. 1949. – №11. – С.33.
3. Атыгчы оол. Хакас чонынын нымахтары. – Абакан, 1969. – С. 30.
4. Кон Ф.Я. Путешествие в Сойотию. – М., 1934. – С.97.
5. Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. – М.,1961. – С.129.
6. Яковлев Е.К Ук.соч. с.66.
7. Сулеков Е.Е. 1913 г. рождения, сеок аргын, аал Ч.Балахчин.
8. Ооржак Эрес, 1973 г. Рождения, сеок ооржак, с. Сут-холь.
9. Курбатский Г.Н. Тувинцы в своем фольклоре. – Кызыл, 2001. – С.224.
10. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан, 1999.
11. Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы. XIX – начало XX в. – М., 1956. – с.144.
12. Яковлев Е.К. Ук. соч... с.47.
13. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. – СПб., Т.1. ч.1. – С.323.
14. Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. – М., 1969. – С.184.
15. Кенин-Лопсан М.Б. Тыва чанчыл. – М., 1999. – С.201.
16. Киргизско-русский словарь. – М., 1968. – С. 636; Казахско-русский словарь. – Алматы, 2001. – С.701.
17. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек и общество. – М. – С.146-147.
18. Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы. – М. – С.130.
19. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. – М., 1986. – С.348-349.

© Бутанаев В.Я., 2005
© Монгуш Ч.В., 2005

Э.А. САГАЛАКОВ,

кин, доцент кафедры истории и политологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ ФЕВРАЛЯ И ОКТЯБРЯ 1917 Г. В ХАКАСИИ

Отечественные историки как советского, так и современного периодов провели значительную работу по изучению Февральской и Октябрьской революций как в России в целом, так и в Сибири в частности. Тот факт, что на протяжении длительного времени был ограничен доступ к архивным материалам рассматриваемого периода, а также существовали запреты на широкое и объективное изучение событий 1917 г. и последующих лет, наложил свой отпечаток на степень разработанности этой темы и в историографии Хакасии. К большому сожалению работы, в которых освещается развитие общественно-политических процессов в Минусинском уезде рассматриваемого периода, являются весьма немногочисленными.

В 1920-е гг. не было сколько-нибудь значимых работ по интересующей нас теме. В периодической печати выходил ряд статей, посвященных отдельным эпизодам политической борьбы 1917-1918 гг. на территории Минусинского уезда в целом.[1]

Первой значительной исследовательской работой, в которой освещены события Февральской революции и первых месяцев Советской власти в Минусинском уезде, является